

О.Б. БОЖКОВ

БИОГРАФИИ И ГЕНЕАЛОГИИ: РЕТРОСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Постановка проблемы

Термин «трансформация» наряду с терминами «модернизация» и «глобализация» часто используется в социологической литературе [1]. На наш взгляд, трансформация — это совокупность изменений, следующих одно за другим. Если эти изменения образуют «возрастающий» или положительно оцениваемый порядок, их называют прогрессом. Если же изменения образуют «нисходящий» или негативно оцениваемый порядок, их именуют регрессом или деградацией. Это весьма поверхностная интерпретация. Возможны трансформации не континуального, но разнонаправленного характера. Такие трансформации не имеют обобщающего наименования. Кроме того, весьма трудно найти надежные критерии положительности-отрицательности или возрастания-снижения результатов изменений. И сами по себе эти оценочные характеристики весьма относительны.

Социально-культурными мы будем называть такие трансформации, объектом которых являются ценности, модели поведения, уклады жизни, затрагивающие социальные институты и/или большие массы людей. По скорости протекания трансформации можно разделить на медленные и быстрые. По субъекту, их «инициирующему» — на институциональные и природные. По характеру протекания — на революционные, то есть совершаемые скачкообразно и резко, и эволюционные, то есть совершаемые плавно и постепенно. И наконец, трансформации можно классифицировать по длительности — долгосрочные и краткосрочные. Очевидно, названные дихотомические типологии относительно автономны.

Темпы и характер трансформаций определяются как «внутренними» причинами, обусловленными самой природой трансформирующихся объектов, так и «внешними» по отношению к объекту причинами: природными катаклизмами (эпидемии, стихийные бедствия) или историческими, вызываемыми деятельностью различных социальных институтов. «Внутренние» причины порождают преимущественно медленные, эволюционные изменения; «внешние» же — по преимуществу быстрые процессы, которые представляют собой либо механизмы выживания и стабилизации, восстановления «гомеостазиса», либо механизмы коренной ломки устоявшихся, но не отвечающих «новым» требованиям форм жизнедеятельности. Любая трансформация обусловлена как внешними, так и внутренними причинами. Из всего многообразия трансформаций наибольший интерес представляют трансфор-

Божков Олег Борисович – старший научный сотрудник Социологического института РАН. Адрес: 198147 Санкт-Петербург, Измайловский проспект, д. 14. Телефон: (812) 316-21-62. Факс: (812) 316-29-29.
Электронная почта: olegbozh@hotmail.com

мации разнонаправленные, те, которые нельзя отнести ни к прогрессу, ни к регрессу, а также те, которые можно охарактеризовать как долговременные, совершающиеся на протяжении длительных промежутков исторического времени. Этот класс трансформаций порождается, как нам кажется, преимущественно «внутренними» причинами, хотя неизбежно подвержен также влиянию и «внешних» причин.

Сложность изучения трансформаций этого типа с помощью традиционных социологических методов заключается, в частности, в том, что они практически не рефлексированы обыденным сознанием. Например, некоторые студенты, составлявшие свои генеалогические деревья в конце 80-х и в начале 90-х годов, заметили, что у их прабабушек и прадедушек, как правило, было много братьев и сестер, у бабушек и дедушек — заметно меньше, а сами они, как правило, являются единственными детьми у своих родителей. Правда, в своих генеалогических деревьях студенты находят и «опровержения» этого факта. Другое наблюдение. Одна из школьниц, разглядывая свое генеалогическое дерево, с удивлением воскликнула: «Надо же, какие мои бабушки, дяди и тети были ловеласы!». На вопрос: «А в чем это проявляется?», она ответила: «Да смотрите же, вот у двоюродной моей бабушки было три мужа и у двух тетей и трех моих дядьев тоже по два или по три брака». Эти наблюдения были сделаны людьми, которые взялись за составление своей генеалогии. Без работы над генеалогией вообще невозможно заметить такого рода факты. Можно сделать вывод, что изучение долгосрочных трансформаций является исключительной прерогативой исследователей-обществоведов. Это предмет специального внимания, ускользающий от обыденного сознания, способного зафиксировать и осознать лишь отдельные ситуации и сюжеты обыденной жизни.

Тематический репертуар исследования трансформаций

Приведем несколько примеров разнонаправленных долгосрочных социально-культурных трансформаций. Понятие «*глава семьи*» трансформировалось на протяжении XX века. В начале века оно отображало целый комплекс норм-регуляторов и актов сознания людей. Сегодня, с изменением условий быта, сознания и норм поведения, оно практически утратило первоначальный смысл. *Отношения между родителями и детьми* на протяжении длительного исторического периода трансформировались по нескольким параметрам. Во-первых, большая в прошлом (XVIII–XIX вв.) социально-психологическая дистанция между родителями и детьми (обращение на «вы», нечастые прямые контакты) уже к началу XX века существенно сократилась (обращение на «ты», повседневные множественные — отчасти вынужденные — контакты). Во-вторых, сильная межслоевая, межгрупповая дифференциация этих отношений со временем не просто ослабла, но сменилась почти полной неразличимостью моделей отношения между родителями и детьми в разных социальных группах и слоях.

Состояние социальной структуры общества также претерпело и продолжает претерпевать весьма заметные трансформации: от почти полной непроницаемости, закрытости различных социальных слоев и групп до высокой степени их диффузности; от социального статуса, определяемого рож-

дением, до многократной смены социальных статусов на протяжении жизни человека в зависимости от изменяющихся обстоятельств или даже его собственной воли.

В сфере *трудовой деятельности* также обнаруживается определенное движение от «монозанятости» на протяжении всей жизни или отсутствия занятости как таковой до широко распространенной «полизанятости», чередования разных профессий и на протяжении трудовой биографии.

Происходят изменения *территориальной мобильности*: от вынужденных, определяемых внешними факторами перемещений масс людей до свободы передвижения как внутри страны, так и за ее пределами. В то же время территориальная мобильность изменяется от дифференцированной по принадлежности к определенному социальному слою до независимости перемещений от социального положения. К этому же классу трансформаций относится *социальная мобильность*, рассматриваемая как в рамках одного поколения, так и в межпоколенческом разрезе; трансформации социальной структуры, в том числе формирование, становление и исчезновение структурных элементов общества.

Следует указать на *динамику семьи* как социального института, процессы нуклеаризации семьи и интеграции семейных групп, трансформации как фактического положения семей, так и представлений о семье. Особое значение имеет территориальная «привязка» семейных групп: некоторые семьи локализованы в одном месте, другие активно осваивают множество географических точек, третьи «рассыпаются» в географическом пространстве, чтобы более никогда не встретиться.

Автономным направлением исследования трансформаций является изучение использования и трансмиссии различных видов семейных капиталов: экономического, социального, культурного, политического, в том числе механизмов наследования имущества и статусов на основе генеалогических данных и биографических интервью [2].

Задачи исследования

Центральной задачей исследования трансформаций является установление порождающих их «внутренних» и «внешних» причин. Что зависит от самого человека, что определяется семьей (кланом), а что — социальными институтами, в том числе властью? Насколько характеристики поведения последующих поколений повторяют схемы поведения поколений предыдущих?

Долгосрочные трансформации плохо рефлексированы обыденным сознанием [3]. Поэтому соответствующие данные вряд ли можно получить с помощью традиционных опросных методов. Традиционные обследования ориентированы, как правило, на изучение индивидуальных субъектов. Биографический же материал и генеалогии ориентированы на изучение группы (семьи, семейного клана). Биографический материал в большей степени, нежели иные опросные методы, свободен от заданной исследователем тематики. С одной стороны, биографические интервью содержат «субъективированные» факты, с другой — непременно включают в свою «орбиту» других людей, не только прямых родственников, но и посторонних. Такой тип данных неудобен для статистического анализа, он с трудом поддается фор-

мализации. В совокупности названные обстоятельства порождают особый подход, который можно назвать «эмпирической макросоциологией». Во-первых, человек здесь рассматривается не как атомарная величина, а как часть (элемент, единица) той или иной группы, которая в большей или меньшей степени определяет его поведение и индивидуальные характеристики. Во-вторых, этот подход акцентирует внимание исследователя на том типе поведения людей, который был определен В. Голофастом как «макроповедение», то есть поведение, присущее многим, вызываемое внешними историческими и социальными причинами, обстоятельствами и стимулами и аккумулирующее многие акты повседневного поведения [4]. Срочная служба в армии, гарнизонная жизнь офицеров и их жен, школьная жизнь, период студенчества, матери-одиночки, жертвы насилия — все это примеры макроповедения. Каждый, кто служил в армии, не без основания считает, что его случай совершенно уникальный. Тем не менее, служившие в армии, даже если их служба проходила в разных родах войск, если один служил на юге, а другой на севере, всегда поймут друг друга и найдут много общего. При всей уникальности индивидуальных судеб мигрантов в крупные города, так называемых «лимитчиков», их также сближает то, что в рисунке их жизней есть много общего. Имеются и другие модели макроповедения: войны, стихийные бедствия, освоение целинных и залежных земель, «стройки коммунизма» и т. п. Макроповедение обладает достаточно устойчивыми характеристиками. Тем не менее, и этот тип поведения подвержен трансформации. Одной из задач проекта является установление удельного веса макроповедения в индивидуальной биографии человека. Изучение характеристик и типов макроповедения позволяет описать механизмы трансформаций, их «естественную» технологию. При этом именно биографические опросные методы являются наиболее адекватными для решения указанных задач.

О природе и специфике исходных данных

Генеалогические структуры (деревья) обладают наглядностью и хорошо репрезентируют семейно-родственные сети. В то же время графика генеалогий без информации о составляющих их персонажах почти лишена социального содержания. Поэтому биографии и генеалогии должны составлять одно целое. Действительную ценность для социологического анализа имеет то генеалогическое дерево, которое насыщено достаточно детализированными, развернутыми биографическими данными о большинстве составляющих его персон. Информация, содержащаяся в генеалогии, это, во-первых, фактографическая или событийная информация; во-вторых, это в основном информация о «других» людях. Фактографичность генеалогических данных — принципиально важный момент. Эти данные практически свободны от оценочных суждений и эмоциональной экспрессивности, они, как правило, лаконичны и фрагментарны. Что-то информант (составитель генеалогии) знает точно, что-то приблизительно, о многом не знает вообще. Эти информационные лакуны могут быть заполнены лишь в результате довольно длительной и трудоемкой поисковой работы.

Собственно биографические данные (автобиографии, семейные хроники, биографические интервью и т. п.) часто создают впечатление связной, как

бы непрерывной сюжетной линии. Однако это весьма обманчивое впечатление. Биографические данные, сопровождающие генеалогическое описание, преимущественно дискретны. Этой дискретности практически не удается избежать, как бы тщательно ни была организована структура данных. Факты, содержащиеся в этих данных, представляют собой отдельные фрагменты реальной жизни. Далеко не всегда можно догадаться, по каким критериям в повествование отбираются именно эти факты и фрагменты. Полностью и подробно описать свою жизнь практически невозможно, тем более, жизнь другого, пусть даже очень близкого человека. Кроме того, события, образующие сюжетную канву жизни каждого человека, обладают различной индивидуальной ценностью (или значимостью) для информанта. Таким образом, автобиография или рассказ о жизни (в англоязычной традиции — *life story*) это не отображение реальной жизни человека, а скорее *конструкция или реконструкция* этой жизни (как, впрочем, и биография или биографический очерк, написанные другими). Причем, алгоритм этого конструирования и скрыт от исследователя, а зачастую не ясен даже самому информанту.

Можно ли доверять рассказам о жизни? Где (в связи с какими событиями, сюжетами) возникают различия в историях жизни, и чем они вызваны? Каковы мотивы искажения жизненных историй? Один из видов обсуждаемых различий — фазы умолчания. И здесь возникает аналогичный вопрос: чем вызваны умолчания или о чем вообще предпочитается не упоминать в рассказах о жизни? Насколько существенны данные вопросы для социологического анализа?

Генеалогические и биографические данные отличаются фактографичностью с точки зрения их фабульной, событийной и «параметрической» канвы. Этот аспект представляется гораздо более существенным, нежели оценочные суждения, комментарии к жизненным фактам и иные интерпретации собственной (или чужой) жизни. Фактографическая канва биографии соотносима и сопоставима с общезначимыми историческими событиями, которые служат определенными реперными или контрольными точками. Что же касается интерпретации, то к этому понятию, на наш взгляд, не применим критерий истинности/ложности, ибо любая интерпретация являет собой перформативное речевое действие, имеет свое субъективное обоснование, и уже в силу этого обстоятельства истинна. В то же время сами интерпретации определенно являются социальными фактами, которые и должны стать предметом социологического анализа.

Социолог не следователь, его задачей не может и не должно стать уличение (изобличения) информанта в искажении фактов, в сознательном или бессознательном обмане (а биографические данные чаще всего искажаются именно бессознательно). Задача социолога — установление взаимосвязи между различными социальными фактами. Для социолога исключительно важен и тот образ, который возникает в итоге рассказа о жизни. Можно предположить, что представители разных поколений, различных социальных слоев и групп создают разные образы себя, которые вне зависимости от их желания и воли оказываются типологически сходными у представителей одного поколения из близких социальных слоев. По крайней мере, одна из причин несовпадения биографий и рассказов о жизни обнаруживается в социаль-

ной истории, в канве исторических событий, на фоне которых проходила частная жизнь людей.

Личные и общественные события

Одни люди подобны щепкам в историческом потоке. Другие более сравнимы с рыбами, которые, как известно, «ищут, где глубже». Рыбы в отличие от щепок в некоторых ситуациях используют течения, а могут плыть и против них. В любом случае, чтобы понять траекторию движения щепки или путь миграции рыбы, надо учитывать направление, силу и характер течения, рельеф дна и берегов. Всякая метафора «хромает», однако очевидно, что подход к решению обозначенных задач требует учитывать общий и локальный историко-политический и общесоциальный контекст, на фоне которого проходит жизнь людей и семейных групп. С этой точки зрения биографический материал не только и не столько репрезентирует фактографию жизни информанта, сколько отражает структуру его доминирующих ценностей, с одной стороны, с другой — при сопоставлении с социетальной фактографией, свидетельствует о мере его ангажированности, включенности в жизнь общества. И в генеалогиях, и в биографических данных содержится немало информации о других людях (не только ныне живущих), а также характеризующей определенные группы (преимущественно семейно-родственные).

И генеалогии, и биографические данные (первые явно и последовательно, вторые не всегда очевидно и строго) выстраиваются в хронологическом порядке. Во всяком случае и те, и другие разворачиваются во времени. Именно поэтому для социологического анализа наиболее актуальна постановка вопроса не о различиях между реальной жизнью и рассказами о жизни, а о соотношении событий индивидуальной жизни с событиями историческими или с жизнью общества. Есть ли какие-либо предпочтительные типологически различающиеся стратегии в выстраивании (конструировании) рассказов о жизни, обусловленные общезначимым историческим контекстом? Вопрос о совпадении или несовпадении реальной жизни и рассказа о жизни не снимается. Внимание сосредоточивается здесь на социологических аспектах проблемы. Технологически (или инструментально) решение такой задачи может быть обеспечено подключением к базе генеалогических данных специализированных хронологических таблиц, в которых и содержались бы реперные точки событий. Однако при подходе к реализации этого, казалось бы, чисто технологического момента необходимо решить методологические и содержательные вопросы.

В последние годы вышли в свет «Полная хронология XX века» [5], «Энциклопедия знаменательных событий» [6]. В учебниках по истории содержатся достаточно полные хронологические и синхронистические таблицы [7], вторая часть 24-го тома Большой советской энциклопедии целиком посвящена СССР и включает в себя достаточно полную хронологию исторических событий, которая начинается с IX века до нашей эры и заканчивается 1977 годом. Тем не менее, готовые хронологии не могут быть использованы для генеалогического анализа по целому ряду причин. Во-первых, они содержат довольно много «информационного шума», то есть событий, может быть и важных с исторической точки зрения, но бесполезных для анализа

генеалогических и биографических данных. Например, один из источников включает такое событие, как «начало первой эмиграции В.И. Ленина», другой — даты рождения и смерти выдающихся культурных и политических деятелей России, третий — даты правления того или иного властителя и т. п. События такого рода вряд ли можно рассматривать как оказывающие существенное влияние на повседневную жизнь людей, представленных в генеалогических структурах. Более существенны события совершенно иного типа, нежели названные, а именно: указы и постановления, регламентирующие жизнь людей; войны, восстания, эпидемии и т. п. — иными словами, такие исторические события, которые могут быть названы «судьбоносными» (без всякого метафорического контекста), или такие, которые позволяют объяснить или, по меньшей мере, сформулировать более или менее аргументированные гипотезы о природе или причине тех или иных видов макроповедения. Дело не только в специфическом отборе событий для хронологий (одна из первых задач состоит в том, чтобы найти и сформулировать правила и критерии для такого отбора), но также в том, что во многих исторических событиях естественным образом могут быть выделены значимые фазы, этапы или стадии, а следовательно, возникает необходимость решить непростую (содержательную или качественную) задачу их осмысленного и обоснованного фрагментирования. Кроме того, одно и то же историческое событие в разных регионах нашей необъятной родины проявлялось по-разному. Например, Великая Отечественная война. Значительная часть европейской части России оказалась сначала в зоне непосредственных боевых действий, а затем в зоне немецкой оккупации. Центральная Россия, Приуралье и Сибирь были глубоким тылом советских войск, и здесь война проявлялась иначе, чем в европейской части. Это, казалось бы, вещи очевидные. Но для того, чтобы уловить эти различия, кроме общей хронологии полезно иметь хронологии «локальные», по крайней мере для тех регионов, которые часто встречаются в генеалогических данных. Наконец, для корректного анализа и сравнения разных поколений, представленных в генеалогиях, представляется целесообразным кроме общеисторических хронологий иметь также и «частные», «тематические» хронологии. Например, хронологию системы образования, хронологии трудового и семейного законодательства и т. п. Без достаточно развитой вспомогательной базы данных поиск объяснительных моделей индивидуальных и групповых (в частности, семейных) жизненных траекторий представляется практически невозможным.

Качественное и количественное

Какую информацию, содержащуюся в генеалогиях и биографических данных, можно квалифицировать как количественную? Ответ вроде бы прост: ту, которая поддается счету. Например, число персонажей генеалогии, число поколенческих уровней, число браков и т. п. При обсуждении этого вопроса в научной литературе речь идет то об информации, то о методах, которые также именуются количественными или качественными [8]. На наш взгляд, это вещи совершенно разные, хотя и взаимосвязанные. Наше операциональное определение будет относиться к информации, а не к методам. Количественной мы будем называть такую информацию (или данные), кото-

рую без какой-либо предварительной подготовки можно использовать для статистического анализа, для проверки статистических гипотез. Как правило, такая информация представлена в социологических данных в форме шкал (преимущественно ранговых или метрических; о номинальных шкалах — особый разговор). Соответственно, качественной будем называть информацию, которая не может быть непосредственно использована для статистического анализа, которая требует предварительной формализации, чаще всего преобразования в шкальную форму (например, кодирования или перекодирования). В простейшем случае в качестве такой формализации может служить номинальная шкала в виде достаточно длинного списка категорий.

Вряд ли стоит связывать понятие количественной информации (количественных данных) с возможностью или невозможностью счета, ибо считать можно все, что угодно, например, количество букв в словах или количество слов в предложении и т. п. Простейшая форма количественных методов (или количественного подхода к анализу данных) может быть сведена к элементарному счету. Однако, как правило, в этом случае имеются в виду прежде всего процедуры установления и оценки корреляционных связей между переменными и иные статистические процедуры. В то же время, такая аналитическая процедура, как построение типологии, может быть реализована в рамках и качественного и количественного подходов, независимо от того, используются или не используются математические методы. Практически вся информация, содержащаяся в генеалогии, является исключительно качественной. Пол, образование, социальный статус любого персонажа; количество событий любого из выделенных классов; описание каждого события; состав семьи каждого из персонажей в разные периоды его жизни — все это, конечно же, качественные данные. Несмотря на то, что описание персонажей и их биографических событий определенным образом формализовано (точнее, стандартизовано), собственно данные по своей природе остаются качественными. Наш подход к анализу качественной информации осуществляется путем разнообразных форм (преимущественно компьютерного, экранного) представления генеалогических и биографических данных, с тем, чтобы обеспечить их рассмотрение под разными ракурсами и в различных сочетаниях. Если даже при этом производятся какие-либо подсчеты, то все равно в основе анализа лежит качественная информация, и анализ остается качественным. До формулирования статистических гипотез еще далеко.

Методические решения

Опросные методы не вполне применимы для решения задач, которые актуализируются при обращении к социально-культурным трансформациям. Необходим новый подход, ориентированный на иные субъекты социальной жизни, нежели отдельно взятые индивиды. Сама жизнь человека и биография как описание жизни состоят из событий. События поддаются классификации или группировке. Так, выделяются события, связанные с семьей, учением (учебой, образованием), работой (занятостью), перемещениями в пространстве (миграцией), общественной деятельностью, здоровьем, религиозными или профессиональными проблемами. Это перечень далеко не полный. Возможно выделение в отдельную группу событий, связанных с войной, напри-

мер, участие в боевых действиях или нахождение в зоне боевых действий или в плену у противника и т. п. Выделение тех или иных событий в отдельный класс (группу, рубрику) имеет смысл в том случае, если эти события встречаются в жизни многих людей, являются типичными. Но разные люди, описывая одни и те же события, делают это по-разному. Трудность состоит в том, что схема описания, закладываемая в программу исследования, с одной стороны, должна быть достаточно полной и точной, с другой стороны, она не должна быть жесткой. Кроме того, разные события подчас весьма причудливо переплетаются друг с другом, накладываются друг на друга так, что трудно определить, где кончается одно и начинается другое. И наконец, представляется очень важным сохранить уникальность биографического описания, а любая база данных требует достаточно строгой формализации.

Мы выделили ряд инвариантных (или сквозных) характеристик в описании любых событий. Это даты начала и конца события, место (адрес), где это событие произошло. Необходимо установить минимальное число специфических характеристик для описания каждой отдельной группы событий. Очевидно, что события, связанные с изменениями семейного статуса человека, не могут быть описаны по той же схеме, по которой описываются события, связанные с профессиональной деятельностью (или работой). Принципиальным моментом является использование комментариев на разных уровнях описания биографических данных. Таким образом, база данных, необходимая для реализации проекта, оказывается весьма сложной по своей организации.

Некоторые проблемы столь сложны, что не могут быть решены на данном этапе исследования. Возьмем кажущуюся тривиальной проблему отсутствующей информации (назовем ее проблемой «белых пятен»). Допустим, есть три генеалогических дерева. В первом всего 16 персонажей, в двух других — по две сотни. Очевидно, сравнивать первую генеалогию с двумя другими практически бессмысленно. Но свидетельством чего является столь разная «населенность» этих деревьев? Первая мысль, которая здесь возникает, состоит в том, что это свидетельство жизненных обстоятельств авторов деревьев или характеристика их личных свойств: активности или лени, степени интереса к своим собственным корням, наконец, уровня социализации. Можно предположить, что более социализированные лучше знают, где и как искать информацию о своих предках, тогда как менее социализированные просто не знают о существовании даже лежащих на поверхности источниках или просто не обладают необходимыми навыками обращения со средствами связи (почта, телефон, телеграф и т. п.). Данная гипотеза вполне серьезна, но она не имеет прямого отношения к изучению механизмов социально-культурной трансформации. Казалось бы, при такой постановке задачи резонно отказаться от анализа «малонаселенных» генеалогий. Однако «малонаселенные» генеалогии свойственны не только нынешним поколениям. В совокупности они охватывают достаточно большие отрезки истории и при аккуратном анализе могут оказаться небесполезными и для изучения интересующей нас проблемы. В любом случае требуется объяснить, почему некоторые генеалогии содержат мало персонажей, а другие много.

Проблема «белых пятен» этим не исчерпывается. Обратимся к генеалогиям, содержащим по две сотни персонажей. В одной из них наблюдаем оп-

ределенный баланс между материнской и отцовской (относительно составителя генеалогии) линиями. В другой — заметный перевес материнской линии: две трети персонажей принадлежат именно к ней, и только одна треть представляет отцовскую линию. При более детальном рассмотрении обнаруживается, что баланс первой из этих генеалогий лишь кажущийся. В отцовской линии оказывается много таких персон, о которых не имеется не только достаточно подробной, но даже самой необходимой информации (дат рождения, имен и фамилий, не говоря уже о профессии, месте жительства и т. п.). Такие ситуации представляются более досадными, чем малая населенность генеалогического дерева. Чем досаднее пробелы в информации, тем настоятельнее звучит вопрос: о чем свидетельствуют такие пробелы в данных? Насколько серьезно они могут сказаться на результатах анализа, повлиять на качество и содержание интерпретации?

Наконец, имея дело с генеалогиями и биографическими данными, то есть с личными документами граждан, мы не можем забывать также о праве этих граждан на защиту от вмешательства в их личную жизнь. Мы имеем дело с «массовыми генеалогиями» и биографиями [9]. Авторы (или законные владельцы) этих материалов имеют все права на умолчание о каких-то фактах или событиях своей жизни, они также имеют право не помнить о чем-то, в конце концов, просто не знать фактов, касающихся других персонажей, присутствующих в генеалогиях или упоминаемых в автобиографиях или семейных хрониках. А мы, исследователи, не имеем права домогаться максимальной полноты интересующей нас информации. Здесь возникает ряд специфических вопросов, имеющих, кроме всего прочего, морально-этический аспект. Как поступать с «белыми пятнами»? Возможна ли реконструкция какой-либо части отсутствующих данных? Или следует исключать из анализа персонажей, о которых нет необходимой для анализа информации? Убедительных ответов на такие вопросы нет. В актуальности поиска ответов нет никаких сомнений, хотя бы потому, что «белые пятна» типичны и, главное, неизбежны — для массовой генеалогии. Для поиска решения таких проблем полезно накапливать статистику пресловутых «белых пятен». Довольно часто в зоне «белых пятен» оказываются даты рождения и смерти. Это особенно характерно для периодов социальных потрясений и катастроф (революции, войны, эпидемии и т. п.). Очевидно, основная масса «пропавших без вести» приходится на периоды глобальных войн, а стало быть, это вполне определенная характеристика времени, с одной стороны, а с другой — одно из проявлений макроповедения.

Сходства и различия: проблема типологизации генеалогий

Массив генеалогических схем оказывается не вполне традиционным объектом социологического исследования. Прежде всего, неясна проблема репрезентативности исходных данных. Что здесь является генеральной совокупностью? Ведь в родословиях (генеалогических схемах) представлены многие поколения, в том числе и люди, которых давно нет в живых. Предположим, исследование не обязательно должно быть репрезентативным. Мы всегда имеем возможность построить целевую непропорциональную выборку и акцентировать внимание на взаимосвязях переменных, на механизмах тех

или иных трансформаций, а не на распространенности и/или типичности тех или иных явлений и процессов. В ситуации, когда мы имеем дело преимущественно с качественной информацией, с нерепрезентативной выборкой, наиболее адекватной исследовательской стратегией представляется как можно более детальное и многоаспектное описание исходных данных, тщательный поиск сходства и различий между отдельными генеалогиями с целью построения их типологий, точнее, множества типологий, построенных (сконструированных) на разных основаниях. Однако и при такой ориентации самые простые задачи счета остаются нерешенными.

Возьмем простой пример. Для одной из типологий мы нашли, как нам казалось, простое основание: решили оценить меру общей информационной насыщенности родословных схем (ОИН). Выделили ряд параметров, с помощью которых описываются включенные в генеалогию персонажи, и, отвлекшись от их (параметров) содержания, стали считать, какую долю составляют заполненные (не пустые) характеристики от теоретически возможного их числа, используя булевы переменные (1; 0). Эта доля (или процент) и являлась значением данного показателя (индекса). Пока в число счетных параметров не включались жизненные события, все было просто и прозрачно. Значения индекса — меры информационной насыщенности — находились в разумном диапазоне от 0,2 до 0,7 (или от 20 до 70%). Пока речь шла о простых характеристиках персонажей, которые можно выразить с помощью булевых переменных (true/false), все было относительно просто. Когда же мы решили учесть информацию о жизненных событиях, выражаемую в виде числа событий по каждому классу, все существенно осложнилось. Первая из них состоит в том, что сами события имеют разный «вес»: одно дело смена места работы, переход из одного учреждения в другое. Другое дело — перемещения внутри одного и того же предприятия.

Другой пример. Информант пишет о том, что у него была длинная командировка, в ходе которой он побывал в разных городах. Другой информант о такой же «кольцевой» командировке рассказывает как об отдельных поездках в разные города. У первого в рубрике «Миграции» будет регистрироваться одно событие, у второго — столько, сколько городов он посетил в ходе командировки. Если для относительно простых характеристик существует простой критерий (указано/не указано), а итоговый показатель легко нормируется (привязывается либо к единице, либо к 100%), то с числовыми параметрами, например, такими как количество событий того или иного класса, все обстоит сложнее. То, что один считает событием, достойным не просто упоминания, но развернутого описания, другой событием не считает и даже упоминать о нем не станет. Ему просто в голову не придет, что событием можно считать типичную повседневную рутину. Очевидно, что задача счета в данном случае — задача не количественная, а исключительно качественная. Во-первых, надо решить, что считать, во-вторых, определить, какой социологический смысл имеет большое или, напротив, маленькое количество событий того или иного класса. Поэтому мы остановились лишь на простых параметрах описания каждого индивида. Казалось бы, формальная характеристика ОИН оказалась весьма осмысленной и эвристичной. Она отражает не столько уровень лени или активности/пассивности составителя

генеалогии, сколько уровень «прочности» семейных корней, или уровень семейной (групповой, родовой) причастности к истории. Кроме того, данный показатель свидетельствует также об уровне сплоченности родственного клана. Действительно, откуда составитель черпает информацию? Или от живых родственников, или из документов, хранящихся в семейных архивах. Следовательно, насыщенная информацией генеалогия — надежное свидетельство того, что в семье (роде) более или менее постоянно поддерживается интерес к своему прошлому, культивируется чувство и сознание причастности семьи к течению истории. Даже в том случае, когда составитель не находит надежных источников информации в своем близком окружении и ему приходится всерьез заниматься изысканиями в архивах, обращаться в те или иные официальные или неофициальные инстанции, это свидетельствует не просто о его личной активности (хотя этот аспект здесь безусловно присутствует и очень важен), но также и значительном интересе к семейным корням. Таким образом, наряду с ОИН в описания генеалогий введена группа частных показателей информационной насыщенности (табл. 1).

Таблица 1

Гипотетическая типология генеалогических схем по критерию «прочности семейных корней» на основании коэффициентов информационной насыщенности*

Типообразующие показатели	Название типа		
	Без корней	Угасающие корни	Стабильные корни
ИНА	Максимальное	Среднее	Выше среднего
ИНУ-0	Среднее	Ниже среднего	Среднее
ИНУ1	Ниже среднего	Минимальное	Среднее
ИНУ2	Минимальное	Выше среднего	Среднее
ИНУ3	Минимальное	Максимальное	Среднее
ОИН	Тенденция к минимуму	Тенденция к среднему	Тенденция к максимуму

* В ячейках таблицы показаны наиболее вероятные для данного типа значения типообразующих показателей. В ячейках нижней строки таблицы — доминирующая тенденция показателя общей информационной насыщенности генеалогической схемы для данного типа.

Обозначения:

ИНА — информационная насыщенность ближайшего родственно-свойственного окружения составителя родословия (автора — отсюда индекс «А»);

ИНУ-0 — информационная насыщенность поколенческого уровня, к которому принадлежит автор;

ИНУ1 — информационная насыщенность «родительского» уровня;

ИНУ2 — информационная насыщенность «дедовского» уровня;

ИНУ3 — информационная насыщенность более высоких поколенческих уровней.

Казалось вполне очевидным, что ныне здравствующие персонажи генеалогической схемы, связанные с составителем родословия прямыми (непосредственными) кровными или свойственными отношениями (ИНА, ИНУ-0), должны иметь более полное описание по всему спектру предложенных параметров. Также можно было ожидать, что по мере «удаления» от составите-

ля родословия по поколенческим уровням значение показателей ИНУ1, ИНУ2, ИНУ3 будет снижаться. Однако эта гипотеза не всегда находит подтверждение. Достаточно часто значение показателя информационной насыщенности оказывается весьма устойчивым, а иногда информация о персонажах более отдаленных во времени даже более подробна, нежели информация о ныне живущих современниках составителя родословия. Таким образом, типология наполняется более объемным содержанием и может свидетельствовать не только о прочности или слабости семейных корней, но также и о динамике семейной исторической памяти. С помощью коэффициента информационной насыщенности мы оценивали также уровень интегрированности семейного клана. Если в первом случае оценивалась информационная насыщенность поколенческих уровней, то в данном случае мы оценивали насыщенность восходящих и/или нисходящих фрагментов генеалогических схем, «удаляясь» от составителя схемы вправо и влево (табл. 2).

Таблица 2

Гипотетическая типология генеалогических схем по критерию «интегрированности семейного клана» на основании коэффициентов информационной насыщенности

Типообразующие показатели	Название типа		
	Дезинтегрированный клан	Промежуточный тип	Сплоченный семейный клан
ИНС	Максимальное	Среднее	Выше среднего
ИНВ-1	Среднее	Ниже среднего	Среднее
ИНВ-2	Ниже среднего	Минимальное	Среднее
ИНВ-3	Минимальное	Выше среднего	Среднее
ИНВ-4	Минимальное	Максимальное	Среднее
ОИН	Тенденция к минимуму	Тенденция к среднему	Тенденция к максимуму

Обозначения:

ИНС — информационная насыщенность основного восходящего «ствола» генеалогической схемы (к отцу, дедам-бабкам, прадедам-прабабкам и т. д.);

ИНВ-1 — информационная насыщенность ближайших к составителю родословия «боковых веток» схемы (с отцовской и материнской сторон: двоюродные братья-сестры, дяди-тети и т. п.);

ИНВ-2 — информационная насыщенность следующих по удаленности от составителя «боковых веток» схемы (троюродные родственники);

ИНВ-3 — информационная насыщенность удаленных «боковых ветвей» (родственники мужей-жен дядьев, тетя и т. п.);

ИНВ-4 — информационная насыщенность самых отдаленных веток схемы.

Для построения другой типологии, ориентированной на поиск сходства между разными генеалогическими структурами, был применен аппарат и модели линейной алгебры. Для решения одной из важнейших содержательных задач — оценки влияния на жизненные траектории семейных традиций и исторического событийного потока была разработана еще одна форма представления исходных биографических данных, которая дает возможность увидеть общую картину жизненных событий каждого персонажа (индивида), включенного в генеалогию.

Горизонтальные полосы — поля для отображения выделенных классов событий. Черные стрелки (треугольники) на белом поле слева — это кнопки, нажатие на которые открывает окно, содержащее полный список событий данного класса в хронологическом порядке. Переместив курсор к любому значку, обозначающему конкретное событие, исследователь получает возможность увидеть в «выплывающем меню» название этого события и даты его начала и конца. В этой форме используется нестандартный курсор, кроме привычной стрелочки курсор содержит вертикальную пунктирную линию, которая показывает, какие события происходили в жизни индивида в данный момент времени. Форма также содержит кнопку, позволяющую вывести экранное изображение на печать. Такая форма открывает возможность для качественного анализа совокупности жизненных событий, который может привести к построению социологически осмысленных типологий «жизненной траектории» индивидов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социология и общество: Тезисы Первого всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи», Санкт-Петербург, 27–30 сентября 2000 г., СПб., 2000.
2. Судьбы людей: Россия, XX век: Биографии людей как объект социологического исследования. М.: Институт социологии РАН, 1986.
3. Божков О.Б. Родословные (генеалогические) деревья как объект социологического анализа // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 117–143.
4. Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 87.
5. Уильямс Н., Уоллер Ф., Роузетт Д. Полная хронология XX века / Пер. с англ. М.Ю. Ростовцева. М.: Вече АСТ, 1999.
6. Танько Е.И., Менделев В.А. Малая энциклопедия событий. Книга дней. Харьков: Торсинг, 1999.
7. История СССР. Серия первая. Том VI. Россия в период империализма, 1900–1917 гг. М.: Наука, 1968.
8. Семенова В.В. Качественные методы: Введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.